

ГЛАВА XXIII.

В тот вечер, когда я сидел с Эдит в музыкальной комнате, слушая некоторые произведения из программы того дня, которые привлекли мое внимание, я воспользовался паузой в музыке, чтобы сказать: "У меня есть к вам вопрос, который, боюсь, довольно нескромный".

"Я совершенно уверена, что дело не в этом", - ободряюще ответила она.

"Я нахожусь в положении подслушивающего, - продолжал я, - который, подслушав немного из того, что не предназначалось для него, хотя, по-видимому, его касается, имеет наглость прийти к говорящему за продолжением".

"Подслушивающий!" - повторила она, выглядя озадаченной.

"Да, - сказал я, - но это простительно, как, я думаю, вы согласитесь".

"Это очень загадочно", - ответила она.

"Да, - сказал я, - настолько загадочно, что часто я сомневался, действительно ли я вообще подслушал то, о чем собираюсь вас спросить, или это мне только приснилось. Я хочу, чтобы вы сказали мне. Дело в следующем: когда я выходил из этого столетнего сна, первое впечатление, которое я осознал, было множество голосов, говорящих вокруг меня. Голосов, которые впоследствии я узнал, как голоса вашего отца, вашей матери и ваш собственный. Во-первых, я помню голос твоего отца, говоривший: "Он собирается открыть глаза. Сначала ему лучше встретиться только с одним человеком." Затем вы сказали, если мне все это не приснилось, "Тогда пообещай мне, что ты ему не скажешь". Твой отец, казалось, колебался, стоит ли обещать, но ты настояла, и твоя мать вмешалась, он наконец пообещал, и когда я открыл глаза и увидел только его."

Я был совершенно серьезен, когда сказал, что не уверен, что мне не приснился разговор, который, как мне казалось, я подслушал, настолько непостижимым было то, что эти люди могли знать что-то обо мне, современнике их прабабушки и прадедушек, чего я сам не знал. Но когда я увидел, какой эффект произвели мои слова на Эдит, я понял, что это был не сон, а еще одна тайна, и более загадочная, чем любая, с которой я сталкивался раньше. Ибо с того момента, как смысл моего вопроса стал очевиден, она выказала признаки сильнейшего смущения. Ее глаза, всегда такие откровенные и прямолинейные по выражению, в панике опустились перед моими, в то время как ее лицо покраснело от шеи до кончиков ушей.

"Простите меня", - сказал я, как только оправился от замешательства, вызванного необычным эффектом моих слов. "Тогда, похоже, мне это не приснилось. Есть какой-то секрет, что-то обо мне, что вы скрываете от меня. Действительно, не кажется ли вам немного трудным, что человеку в моем положении не следует предоставлять всю возможную информацию о нем самом?"

"Это не касается вас — то есть не напрямую. Это не о вас — точно, - ответила она едва слышно.

"Но это каким-то образом касается меня", - настаивал я. "Это должно быть что-то, что заинтересует меня".

"Я даже этого не знаю", — ответила она, отважившись на мгновение взглянуть на мое лицо, сильно покраснев, и все же со странной улыбкой, мелькнувшей на ее губах, которая выдавала определенное восприятие юмора в ситуации, несмотря на ее неловкость, - "Я не уверена, что это вообще заинтересует вас."

"Твой отец сказал бы мне", - настаивал я с оттенком упрека. "Это вы запретили ему. Он подумал, что я должен знать."

Она не ответила. Она была настолько очаровательна в своем замешательстве, что теперь меня побудило - как желание продлить ситуацию, так и мое первоначальное любопытство - приставать к ней еще больше.

"Неужели я никогда не узнаю? Неужели ты никогда мне не скажешь?" Я сказал.

"Это зависит", - ответила она после долгой паузы.

"На чем?" Я настаивал.

"Ах, вы просите слишком многого", - ответила она. Затем, подняв ко мне лицо, на котором красовались непроницаемые глаза, раскрасневшиеся щеки и улыбающиеся губы и в сочетании делали её совершенно очаровательной, она добавила: "Что бы вы подумали, если бы я сказала, что это зависит от вас?"

"От меня?" - эхом отозвался я. "Как такое вообще может быть?"

"Мистер Уэст, мы проигрываем очаровательную музыку", - был ее единственный ответ на это, и, повернувшись к телефону, она одним касанием пальца заставила воздух раскачиваться в ритме адажио. После этого она тщательно позаботилась о том, чтобы музыка не оставляла возможности для разговора. Она отворачивала от меня лицо и делала вид, что поглощена песней, но то, что это было всего лишь притворством, достаточно выдавал румянец, заливший ее щеки.

Когда, наконец, она предположила, что на этот раз я, возможно, услышал все, что хотел, и мы встали, чтобы выйти из комнаты, она подошла прямо ко мне и сказала, не поднимая глаз: "Мистер Уэст, вы говорите, что я была добра к вам. Я не была особенно такой, но если вы думаете, что это так, я хочу, чтобы вы пообещали мне, что больше не будете пытаться заставить меня рассказать вам то, о чем вы просили сегодня вечером, и что вы не будете пытаться узнать это ни у кого другого — у моего отца или матери, например."

На такой призыв был возможен только один ответ. "Прости меня за то, что я огорчаю тебя. Конечно, я обещаю, - сказал я. "Я бы никогда не попросил тебя, если бы думал, что это может тебя расстроить. Но разве ты винишь меня за любопытство?"

"Я тебя несколько не виню".

"И когда-нибудь, - добавил я, - если я не буду дразнить тебя, ты можешь рассказать мне об этом по собственному желанию. Могу ли я не надеяться на это?"

"Возможно", - пробормотала она.

"Только возможно?"

Подняв глаза, она прочитала по моему лицу быстрым, глубоким взглядом. "Да, - сказала она, — я думаю, что смогу рассказать тебе - когда-нибудь"; и на этом наш разговор закончился, потому что она не дала мне возможности сказать что-либо еще.

В ту ночь, я думаю, даже доктор Пиллсбери не смог бы усыпить меня, по крайней мере, до утра. Загадки были моей привычной пищей уже несколько дней, но ни одна из них прежде не

представлялась мне одновременно такой таинственной и завораживающей, как эта, разгадку которой Эдит Лите запретила мне даже искать. Это была двойная тайна.

Как, во-первых, было возможно, чтобы она знала какой-то секрет обо мне, незнакомце из незнакомой эпохи? Во-вторых, даже если бы она знала такой секрет, как объяснить волнующий эффект, который, казалось, произвело на нее знание об этом? Есть головоломки настолько сложные, что невозможно даже предположить, как их решить, и эта, похоже, одна из них. Обычно я слишком практичен, чтобы тратить время на подобные головоломки; но сложность загадки, воплощенной в красивой молодой девушке, не умаляет ее очарования.

В целом, без сомнения, можно с уверенностью предположить, что девичий румянец рассказывает одну и ту же историю молодым людям всех возрастов и рас, но давать такую интерпретацию пунцовым щекам Эдит означало бы, учитывая мое положение и то, как долго я ее знал, а тем более тот факт, что эта тайна возникла еще до того, как я ее вообще узнал, был бы полной глупостью. И все же она была ангелом, и я не был бы молодым человеком, если бы разум и здравый смысл смогли полностью изгнать розовый оттенок из моих снов той ночью.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2801983>